

С. А. Симонова

Идеи Г.-Э. Лессинга в контексте этико-эстетического синтеза

В статье рассматриваются идеи Лессинга, касающиеся проблемы этико-эстетического синтеза. Он анализирует театральную и художественно-изобразительную сферы, оценивая эстетическую адекватность этического состояния. Наиболее полно и убедительно ученый проводит анализ театральных произведений. Видимо, это связано с тем, что театр представляет собой один из самых синкретических видов искусства. Лессинг утверждает, что прежде всего театр должен учить нравственному. Это, по мнению автора, является самой главной задачей театрального представления. Критик определяет критерий эстетического творчества как способность исправлять. Далее автор поднимает проблему художественного изображения трагических потрясений. Лессинг рассматривает вопрос о допустимости изображения безобразного в художественном творчестве. Он приходит к выводу, что в изобразительном искусстве эстетическое должно преобладать над этическим. Искусство, с его точки зрения, подражает природе, а в ней не все прекрасно. Но именно искусство может преобразить безобразное в прекрасное. В этом и заключается одна из главных функций искусства. Лессинг подчеркивает этическую роль искусства. Исследователь показывает, как сквозь эстетическое органично прорастает этическое. Таким образом, Лессинг вторгается в пространство этико-эстетического синтеза.

Ключевые слова: этико-эстетический синтез, театр, актерское мастерство, искусство, художественный образ.

S. A. Simonova

G.-E. Lessing's Ideas in the Context of Ethic and Aesthetic Synthesis

This article discusses the ideas of Lessing's regarding issues of the ethical and aesthetic synthesis. He analyzes the theatrical and artistic and visual sphere, assessing the aesthetic value of the ethical state. The most complete and convincing scientist conducting an analysis of the theatrical productions. Apparently, this is due to the fact that the theater is one of the most syncretic arts. Lessing says that first of all theater should teach moral. This, according to the author, is the main task of a theatrical performance. The critic defines the aesthetic criterion of creativity as an ability to correct. Further, the author raises the problem of the artistic image of the tragic upheavals. Lessing is considering the admissibility of the image of ugly things in art. He comes to the conclusion that in the visual arts aesthetic things should prevail over ethics. Art, he says, imitates nature, but not everything is fine in it. That art can transform ugliness into beauty. Therein lies one of the main functions of art. Lessing emphasizes the ethical role of art. The researcher demonstrates how through aesthetic organically grows ethical. Thus, Lessing invades the space of the ethical and aesthetic synthesis.

The article considers the ideas of Lessing on issues of ethical and aesthetic synthesis. It analyzes the theatrical, artistic and visual sphere, assessing the aesthetic value of the ethical state. The researcher demonstrates how through the aesthetic grows organically ethical.

Keywords: ethical and aesthetic synthesis, theater, acting, art, artistic image.

Идеи Г.-Э. Лессинга представляют для нас интерес в том плане, что в них достаточно точно представлено, как через эстетическую канву исследования прорастают этические представления. Необходимо подчеркнуть, что наиболее ярко и ясно идеи Лессинга, оказавшиеся в пространстве этико-эстетического синтеза, проявляются в контексте анализа им театрального искусства как наиболее синтетического жанра.

Лессинг утверждает в качестве программного этико-эстетического требования к театру в своем произведении «Гамбургская драматургия», что театр должен быть школой нравственности. Развивая эту мысль, он много рассуждает о сущности нравственных сентенций, умелое произношение которых и составляет подлинное актерское мастерство. Но речь на самом деле идет не

столько о характеристике актерской игры, сколько о качестве самого произведения, в данном случае – трагедии. Например, Лессинг отмечает, что нравственные сентенции, преобладающие в пьесе и на сцене, – это лучшая сторона трагедий Иоганна Фридриха Кронека.

В соответствии с этим он осуждает те «мнимые нравственные сентенции», допускаемые авторами трагедий, которые способны смутить нравственные чувства зрителей, ввести их в соблазн. Несомненно, Лессинг испытывал сомнения относительно возможности постановки на сцене христианских трагедий, и в этом контексте он в дидактическом духе утверждает: «Театр никому не должен подавать повода к соблазну, и я бы желал, чтобы он мог и хотел предотвращать всякий соблазн» [1, с. 12].

Это весьма важная и актуальная проблема, на которую Лессинг одним из первых обратил внимание. Действительно, столкновение этики и эстетики достигает наибольшей силы именно в случае театрализации христианских сюжетов. Но Лессинг был не против самого христианского сюжета, он, по мнению историков эстетики К. Э. Гилберта и Г. Куна, полагал, что идея Аристотеля относительно достоверности исключала создание истинно христианской трагедии.

Эстетические каноны театральности и этические каноны христианской души совершенно различны. В связи с этим Лессинг пишет: «Быть может, личность истинного христианина совсем не театральна? Быть может, тихая покорность, безмятежная кротость, существенные его свойства, противоречат самой задаче трагедии, которая имеет целью очищать страсти страстями?» [1, с. 12]. На самом деле именно в этом кроется причина того, почему Лессинг советовал не ставить христианских трагедий: христианство умерщвляет страсти – театр их возбуждает. Исходя из вышесказанного, всякая попытка поставить серьезную трагедию на христианский сюжет обречена на провал.

В «Гамбургской драматургии» Лессинг вводит важнейшее для этико-эстетического анализа разделение понятий «абсолютных истин» и «поэтических истин». И хотя поэтические истины не могут иметь значения истин абсолютных, все же они должны стремиться к ним. На основании этого разделения Лессинг формулирует нравственный закон художественного творчества применительно к сценическому искусству, который может быть воспринят как философское кредо мыслителя, отражающее идею этико-эстетического синтеза: «...и эта поэтическая истина должна приближаться к абсолютной, и поэт никогда не должен рассуждать так нефилософски, чтобы допускать, что человек может стремиться ко злу ради самого зла, что он может, действуя на основании порочных принципов, сознавать их порочность и все-таки хвастаться ими перед самим собой и перед другими. Такой человек – бессмыслица, столь же противная, сколь неназидательная; мысль создать тип его – не больше как жалкая уловка пустой головы, считающей трескучие фразы высшими красотоми трагедии» [1, с. 14].

По сути, Лессинг выражает взгляды этико-рационалистического оптимизма в духе Сократа. Он говорит о нравственной природе человека, который, по его мнению, не может творить зло

осознанно. Зло делается всегда по неведению, утверждает традиция этического рационализма, поэтому воспитание добрых нравов может в принципе решить этическую проблему человека. Несмотря на некоторую гносеологическую наивность такого подхода, применительно к искусству оно звучит достаточно актуально, так как многие авторы сознательно спекулируют человеческой порочностью и показывают именно «зло ради зла», ради усиления эмоционального воздействия, а не ради исправления природы человека. Эстетическое любование злом, смертью, насилием стало почти модой в новоевропейском искусстве, и Лессинг, пожалуй, мог бы выступить серьезным оппонентом этой, в целом, деструктивной тенденции культуры.

Заслуживают интереса также своеобразные правила актерского мастерства, которые Лессинг рекомендует для достижения максимальной правдивости на сцене. «Всякое правило нравственности есть общее положение, которое требует душевной сосредоточенности и спокойного размышления» [1, с. 285]. Аналогичные требования Лессинг предъявлял и к писателям.

Нравственная функция искусства совершенно очевидна – ориентация на лучших людей, на их вкусы, образ мыслей, а также исправление народа. Это есть **этический идеал для эстетических целей**. «Все виды поэзии должны исправлять нас. Прискорбно, если это приходится еще доказывать, а еще прискорбнее, если есть поэты, сомневающиеся даже в этом. Но не все виды поэзии в состоянии исправлять все, по крайней мере, не каждый может так радикально исправлять известные качества, как другой. Но значение каждого вида определяется тем, что он может исправить всего удовлетворительнее, так что другие виды не могут равняться с ним в этом отношении» [1, с. 285].

Способность исправлять, то есть нравственная способность, таким образом, является для Лессинга критерием поэтического творчества. Общие характеристики поэтического произведения, его цели трактуются Лессингом этически – как «поддержка и укрепление чувства человечности, внушение любви к добродетели и ненависти к пороку» [1, с. 289].

В другом значительном труде Лессинга по эстетике «Лаокоон, или о границах живописи и поэзии» автор задается важнейшим вопросом о художественном изображении внутренних, «нравственных потрясений» человека. Лессинг ставит вопрос об эстетической адекватности этического

состояния. Фактически, он уравнивает этическое и эстетическое, не допуская на этот раз преобладания этики. Сам он об этом говорит так: «...художник стремится к изображению высшей красоты, связанной с телесной болью. По своей искажающей силе эта боль несовместима с красотой, и поэтому он должен был ослабить ее; крик он должен был превратить в стон не потому, что крик изобличал бы неблагородство, а потому, что он отвратительно искажает лицо» [2, с. 388–389]. Эстетический критерий здесь оказывается превалирующим (в отличие от точки зрения Винкельмана, который предлагал сугубо этическую трактовку этого сюжета).

Далее Лессинг утверждает: «Стоит только представить себе мысленно Лаокоона с раскрытым для крика ртом, чтобы судить о сказанном; заставьте его только кричать, и вы сами все поймете: раньше это был образ, внушавший сострадание, ибо в нем боль сочеталась с красотой; теперь это неприятная, отталкивающая фигура, от которой захочешь отвернуться, ибо вид боли возбуждает неудовольствие, а красота не приходит на помощь и не превращает это неудовольствие в светлое чувство сострадания» [2, с. 389].

Лессинг ставит важнейшую этико-эстетическую проблему допустимости изображения безобразного в искусстве. Ставит он эту проблему в форме антиномии: «Живопись как искусство подражательное может, конечно, изображать безобразное, но, с другой стороны, живопись как изящное искусство не должна изображать его» [2, с. 470].

Весь ход рассуждений Лессинга приводит его к отрицательным выводам относительно возможности изображения безобразного: «Итак, внешнее безобразие не может быть само по себе предметом живописи как изящного искусства, ибо чувство, возбуждаемое им, есть, во-первых, чувство неприятное и, во-вторых, оно не принадлежит к тому роду неприятных чувств, которые переходят при художественном подражании в ощущения приятные» [2, с. 471]. Однако ранее, характеризуя современное ему искусство, Лессинг высказывает интересную мысль о том, что искусство подражает теперь всей видимой при-

роде, в которой красота составляет лишь малую часть. Истина и выразительность являются главным законом искусства, поэтому художник не должен изображать одну только красоту, и причем сверх меры: «благодаря истинности и выразительности самое отвратительное в природе становится прекрасным в искусстве» [2, с. 445]. То есть происходит преобразование отвратительного в прекрасное, и преобразование это свершается нравственной силой искусства.

Важно то, что при любом эстетическом обосновании нельзя проигнорировать этический аспект. И, как показывает Лессинг, этика оказывается вплетенной в глубину эстетического дискурса, в самую сущность эстетической аргументации. Таким образом, можно сделать вывод, что труды Лессинга предоставляют нам наглядный пример вторжения в пространство этико-эстетического синтеза.

В целом, западноевропейская философия уделяет достаточно много внимания проблеме соотношения этического и эстетического в пространстве искусства. Говорится о том, что добро без красоты – посредственность, скука и морализаторство, но красота вне добра – гибель. Искусство могло бы выступить средством (нисколько не умаляясь от статуса «средства») духовного преобразования человечества. И это не противоречит чистой функции искусства давать трансцендентное наслаждение, потому что в таком наслаждении более всего проявляется духовная сущность бытия.

Библиографический список

1. Лессинг, Г.-Э. Гамбургская драматургия [Текст] / Г.-Э. Лессинг. – М. ; Л. : Academia, 1936. – 518 с.
2. Лессинг, Г.-Э. Лаокоон, или о границах живописи и поэзии [Текст] / Г.-Э. Лессинг // Лессинг Г.-Э. Избранное. – М. : Худож. лит., 1980. – 445 с.

Bibliografičeskij spisok

1. Lessing, G.-Je. Gamburgskaja dramaturgija [Tekst] / G.-Je. Lessing. – M. ; L. : Academia, 1936. – 518 s.
2. Lessing, G.-Je. Laokoon, ili o granicah zhivopisi i poezii [Tekst] / G.-Je. Lessing // Lessing G.-Je. Izbrannoe. – M. : Hudozh. lit., 1980. – 445 s.